

Челпанов Георгий Иванович

Избранные главы из психологии
Критика материализма в психологии

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 61
ББК 5
Г36

Г36 **Георгий Иванович Ч.**
Избранные главы из психологии: Критика материализма в психологии / Челпанов Георгий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 219 с.

ISBN 978-5-521-29942-3

ISBN 978-5-521-29942-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лизмъ, и именно то утвержденіе его, по которому „въ дѣйствительности существуетъ только матерія, что всякое существованіе имѣетъ только матеріальный характеръ, что существованіе матеріи несомнѣнно, между тѣмъ какъ всякій другой видъ существованія подвергается сомнѣнію“. Противъ этого аргумента матеріалистовъ многіе философы и ученые, какъ мы увидимъ впоследствии, возражали въ томъ смыслѣ, что, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: если можно вообще подвергать сомнѣнію какое бы то ни было существованіе, то прежде всего кажется сомнительнымъ именно существованіе *матеріи*; что сознаніе существуетъ—это непосредственно очевидно, а что матерія существуетъ, это нужно доказать. Что касается меня лично, то я надѣюсь впоследствии показать, что утвержденіе матеріалистовъ, что будто бы въ мірѣ существуетъ *только* матерія, неправильно потому что, какъ только мы допускаемъ существованіе матеріи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ существованіе и сознанія. Признаніе существованія матеріи равносильно признанію существованія сознанія. Чтобы это едѣлалось понятнымъ, мы рассмотримъ основное положеніе такъ называемаго *наивнаго реализма*. Возьмемъ для этого слѣдующій примѣръ. Положимъ, передъ нами апельсинъ. Онъ имѣетъ извѣстный цвѣтъ, извѣстную величину, форму, если мы его разрѣжемъ, то ощутимъ извѣстный

запахъ, и т. д. Если бы мы спросили человѣка, не имѣвшаго случая заниматься философіей, существуютъ ли указанная свойства: вкуса, запаха, цвѣта и т. д. объективнаго, то надо думать, что и самый вопросъ показался бы ему страннымъ. „Конечно, сказалъ бы онъ, все эти свойства существуютъ объективно-реально, и наши представленія суть не что иное, какъ только лишь *копіи* этихъ свойствъ, существующихъ объективно. Вообще все наши представленія суть копіи вещей, существующихъ объективно“. Ученіе, признающее объективную реальность за указанными свойствами, называется наивнымъ реализмомъ. По этому воззрѣнію, нашъ умъ есть какъ бы зеркало, въ которомъ отражаются вещи. Но этотъ взглядъ давнымъ давно опровергнутъ философами, Декартомъ и Локкомъ, которые находили что если бы не было ушей, не было бы глазъ, то звука, цвѣта, вкуса, запаха и пр. вовсе не существовало бы, что эти свойства имѣютъ только субъективное существованіе, что они суть только лишь *содержаніе сознанія*; и этотъ взглядъ въ новѣйшее время поддерживали такіе выдающіеся фізіологи, какъ Гельмгольцъ, Фиккъ и др.

Чтобы сдѣлать этотъ вопросъ понятнымъ, рассмотримъ ощущеніе звука, и именно съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ точки зрѣнія *физической, фізіологической и психологической*.

Совмѣстное разсмотрѣніе этихъ трехъ точекъ зрѣнія представляетъ для насъ важность между прочимъ и потому, что еще разъ укажетъ намъ на коренное различіе, существующее между психическими и физическими явленіями.

Разсмотримъ звукъ сначала съ точки зрѣнія *психологической*. Если какое нибудь твердое тѣло падаетъ на полъ, то оно вызываетъ въ насъ то ощущеніе, которое мы называемъ стукомъ. Трѣніе листьевъ другъ о друга вызываетъ звуковое ощущеніе шелеста. Подобнаго рода звуковыхъ ощущеній чрезвычайно много: сюда относятся шуршаніе платья, жужжаніе насекомыхъ, журчаніе ручейка и т. под. Они настолько различны, что подвести ихъ въ одну группу не представляется никакой возможности. Для этого рода ощущеній даже часто трудно подобрать опредѣленное названіе. Но изъ среды звуковыхъ ощущеній выдѣляется одна группа, которая носитъ названіе *музыкальныхъ тоновъ*. Это именно тѣ звуки, которые употребляются въ музыкѣ. Музыкальные тоны мы отличаемъ другъ отъ друга по ихъ *высотѣ*. Одни тоны высоки, напр., дискантовые, другіе низки, напр., басовые. Само собою разумѣется, что среди басовыхъ одни выше, другіе ниже. Одинъ и тотъ же тонъ можетъ имѣть еще одно свойство, которое отличаетъ его отъ другихъ тоновъ той же высоты.

Если мы произведемъ тонъ do_3 на фортепіано, на скрипкѣ, на флейтѣ, то хотя эти три тона будутъ одинаковой высоты, однако будутъ отличаться другъ отъ друга характерными особенностями, и это различіе ихъ называется различіемъ *тембра*. Если мы заставимъ звучать два тона вмѣстѣ, пусть одинъ изъ нихъ будетъ do_1 , а другой do_2 , то эти два тона дадутъ какъ бы одно ощущеніе, которое называется *созвучіемъ* или интерваломъ октавы. Если мы возьмемъ три тона, напр., do_3 , mi_3 , sol_3 , то мы получимъ аккордъ, состоящій изъ трехъ музыкальных тоновъ, въ которомъ болѣе или менѣе развитое ухо въ состояніи съ большей или меньшей отчетливостью различить существованіе трехъ указанныхъ тоновъ. Эта способность въ сложномъ сочетаніи музыкальных тоновъ различать отдѣльные тоны можетъ быть названа способностью *анализировать* тоны. Вотъ психологическіе факты.

Теперь рассмотримъ тѣ *физическіе* факты, которые порождаютъ звуковое явленіе. Я беру въ руки камертонъ и при помощи удара заставляю его звучать. Камертонъ приходитъ въ колебательное движеніе. Такъ какъ камертонъ довольно великъ, то можно даже непосредственно видѣть колебательныя движенія камертона, можно ощутить при помощи руки, что ножки камертона совершаютъ колебательныя движенія. Но еслибы въ мірѣ существовалъ только камертонъ и мое ухо, и не было бы ни-

какой упругой среды между камертономъ и моимъ ухомъ, то я не былъ бы въ состояніи ощущать звука. Звукъ я ощущаю потому, что между моимъ ухомъ и между камертономъ находится особая среда, именно воздухъ, въ которомъ совершаются опредѣленные измѣненія. Физики говорятъ, что вслѣдствіе дрожанія камертона въ воздухѣ происходитъ *разрѣженіе* и *сгущеніе*, быстро слѣдующія другъ за другомъ. Это разрѣженіе и сгущеніе ученые вслѣдствіе причинъ, которыхъ мы ближе рассмотреть не можемъ, называютъ волной, находя аналогію между періодическими сгущеніями и разрѣженіями воздуха и очертаніемъ водяныхъ волнъ. Впрочемъ, эту аналогію можно сдѣлать понятной при помощи слѣдующаго примѣра. Если я возьму камертонъ и прикрѣплю къ нему пишущее остріе (см. рис. 1), затѣмъ заставлю ка-

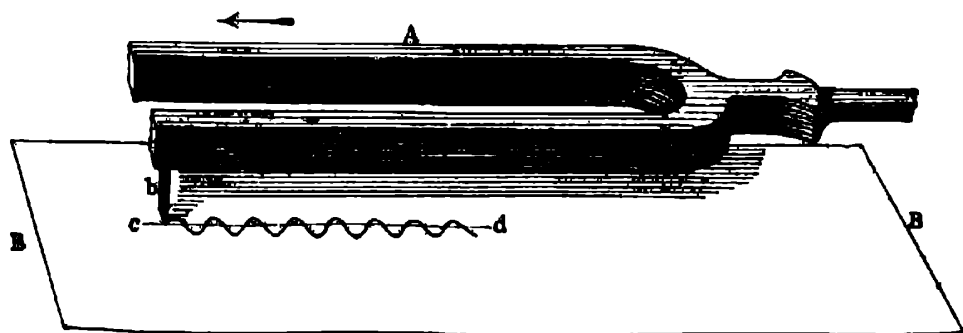

Рис. 1.

мертонъ дрожать и въ то время, когда онъ будетъ дрожать, стану быстро проводить бѣлый листъ бумаги, такъ чтобы онъ приходилъ

въ соприкосновеніе съ пишущимъ остріемъ, то на бумагѣ получится волнообразная линія, форма которой будетъ измѣняться въ зависимости отъ величины камертона. Чѣмъ камертонъ больше, чѣмъ тонъ, издаваемый имъ, будетъ ниже, тѣмъ волны будутъ длиннѣй. Чѣмъ камертонъ будетъ меньше, чѣмъ выше будетъ тонъ, имъ издаваемый, тѣмъ волны, которыя онъ пишетъ, будутъ меньше. Величина воздушныхъ волнъ можетъ быть приведена въ аналогію съ различіемъ величинъ водяныхъ волнъ. Если на поверхность спокойнаго озера падаютъ капли дождя, то образуются волны, но волны эти очень маленькія. Волны на океанѣ такъ велики, что могутъ покрыть цѣлый фрегатъ; такое же отношеніе между волнами воздушными установили физики; такъ, напр., они нашли, что длина волны, которая создается *до* контръ-октавы, равняется 35 футамъ, а длина волны, которая создается самой высокой нотой рояля, равняется 3 дюймамъ. Слѣдовательно, воздушныя волны отличаются одна отъ другой своей *длиной*, но для насъ представляетъ интересъ то количество колебаній или волнъ, которое приходится на одну секунду.

Возьмемъ картонную пластинку. Если мы станемъ ударять объ нее, то она будетъ издавать совершенно характерный звукъ. Представимъ себѣ колесо, снабженное большимъ количествомъ зубцовъ. Представимъ себѣ да-

лѣе, что каждый зубецъ при движеніи колеса ударяется о картонную пластинку и производитъ указанный стукъ. Само собою разумѣется, что колесо можетъ вращаться съ большей или меньшей скоростью и если скорость движенія колеса будетъ такова, что количество ударовъ равняется приблизительно 40 въ секунду, то мы отдѣльныхъ стуконъ уже больше не слышимъ, а слышимъ музыкальный тонъ. Чѣмъ скорѣе будетъ вращаться колесо, чѣмъ большее количество ударовъ будетъ приходится на одну секунду, тѣмъ тонъ будетъ выше. Когда количество ударовъ дойдетъ приблизительно до 40 тысячъ, то тонъ сдѣлается на столько высокимъ, что перестанетъ быть слышенъ. Слѣдовательно, тоны низкіе порождаются волнами длинными, количество которыхъ на единицу времени не велико. Чѣмъ выше тонъ, тѣмъ волны короче, и на одну секунду ихъ приходится больше число. Таково физическое объясненіе психологическаго различія между высокими и низкими тонами.

Физики, пользуясь схемой волны, показываютъ, какъ волны одной величины могутъ складываться съ волнами другой величины. Въ каждый звуковой волнѣ они различаютъ возвышеніе и углубленіе. Сложеніе происходитъ такимъ образомъ, что если возвышеніе одной волны совпадаетъ съ возвышеніемъ другой, то получается производная волна болѣе высокая, чѣмъ

первая. Если же, напр., возвышенію одной волны соответствует углубленіе другой волны, то происходитъ уменьшеніе высоты волны. Если мы предположимъ, что будетъ звучать камертонъ, издающій тонъ do_1 —66 колебаній и рядомъ съ нимъ камертонъ, издающій do_2 —132 колебанія, то получится созвучіе, которое называется октавой. Воздушныя волны, которыя создаются первымъ камертономъ въ два раза длиннѣй, чѣмъ воздушныя волны, создаваемые вторымъ камертономъ, и сложеніе ихъ даетъ волну новой формы. То же самое можно сказать, напр., относительно сочетанія, которое называется терцой и въ которомъ количество колебаній одного тона относится къ другому, какъ 1: 3. На рис. 2-мъ можно видѣть схему сложенія волнъ. На рис. А. пунктирными линіями изобра-

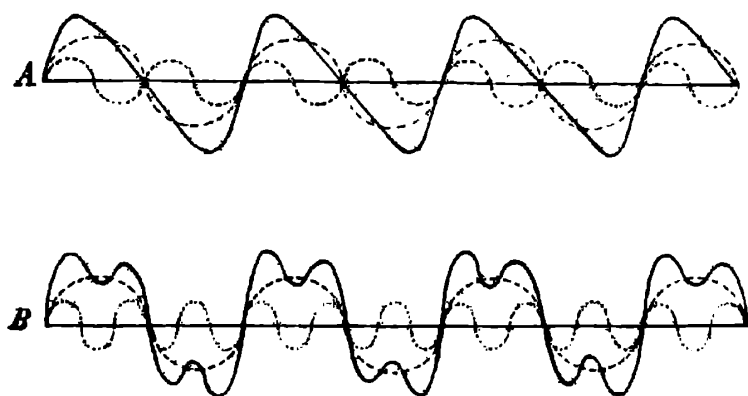

Рис. 2.

жается два рода волнъ; изъ которыхъ одинъ въ два раза длиннѣе, чѣмъ другой. Сложеніе ихъ даетъ одну производную, изображаемую не-

прерывной линіей. На рис. 13. изображается схема сложения волнъ для интервала терцы. Такимъ образомъ, по мнѣнію физиковъ, если звучать два, три, четыре и т. д. камертона, производящихъ различныя колебанія, то происходитъ то, что вмѣсто ряда волнъ получается одна сложная волна, являющаяся результатомъ сложения этого ряда волнъ.

Но вотъ какое обстоятельство представляетъ для насъ особенный интересъ. Если въ одно время дѣйствуютъ нѣсколько тоновъ, напр., какой нибудь аккордъ, то, не смотря на то, что физически эти волны составляютъ одну результирующую волну, мы при извѣстныхъ условіяхъ можемъ различать эти три тона, мы можемъ разложить сложный звукъ на его составные элементы. Спрашивается, какимъ образомъ мы можемъ раздѣльно воспринимать указанные тоны. Другими словами, какъ объяснить *анализъ* музыкальныхъ звуковъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны были бы перейти въ область физиологіи, но я упомяну еще объ одномъ физическомъ явленіи, которое называется *созвучіемъ* (по нѣм. *Mittönen*) и которое намъ можетъ помочь въ ориентированіи этого вопроса. Представимте себѣ какой нибудь струнный инструментъ въ родѣ арфы. Пусть струны ея сдѣланы изъ одного матеріала одинаковой толщины, но различной длины. Легко понять, что струны длинныя будутъ издавать

тоны низкіе, а струны короткія—тоны высокіе. Предположимъ, что струны настроены такимъ образомъ, что отвѣчаютъ тонамъ *do, re, mi, fa, sol, la, si* какой нибудь октавы. Предположимъ теперь, что мы начинаемъ пѣть, стоя передъ этой арфой, тонъ *si*, тогда окажется, что въ этой арфѣ начнетъ звучать та струна, которая сама способна издавать указанный тонъ *si*, между тѣмъ какъ всѣ другія струны будутъ находиться въ состояніи покоя. Если мы будемъ пѣть тонъ *fa*, то изъ всѣхъ струнъ будетъ звучать только лишь та струна, которая сама обладаетъ способностью издавать тонъ *fa*. Стало быть, только тѣ струны будутъ созвучать, которыя сами издають соответствующій тонъ. Это явленіе созвучанія можетъ намъ объяснить нашу способность анализировать звуки.

Когда знаменитому физиологу Гельмгольцу, нужно было объяснить процессъ слухового ощущенія, то онъ исходилъ изъ признанія необходимости существованія въ нашемъ слуховомъ аппаратѣ именно такого органа, который, въ родѣ указанной только что арфы, обладалъ бы указанной способностью созвучанія. Исходя изъ этого предположенія, онъ хотѣлъ доказать анатомически существованіе такого органа. Такой органъ дѣйствительно оказался. Чтобы понять, въ чемъ этотъ органъ состоитъ, для насъ совершенно достаточно самого общаго ознакомленія съ устройствомъ уха. Въ нашемъ